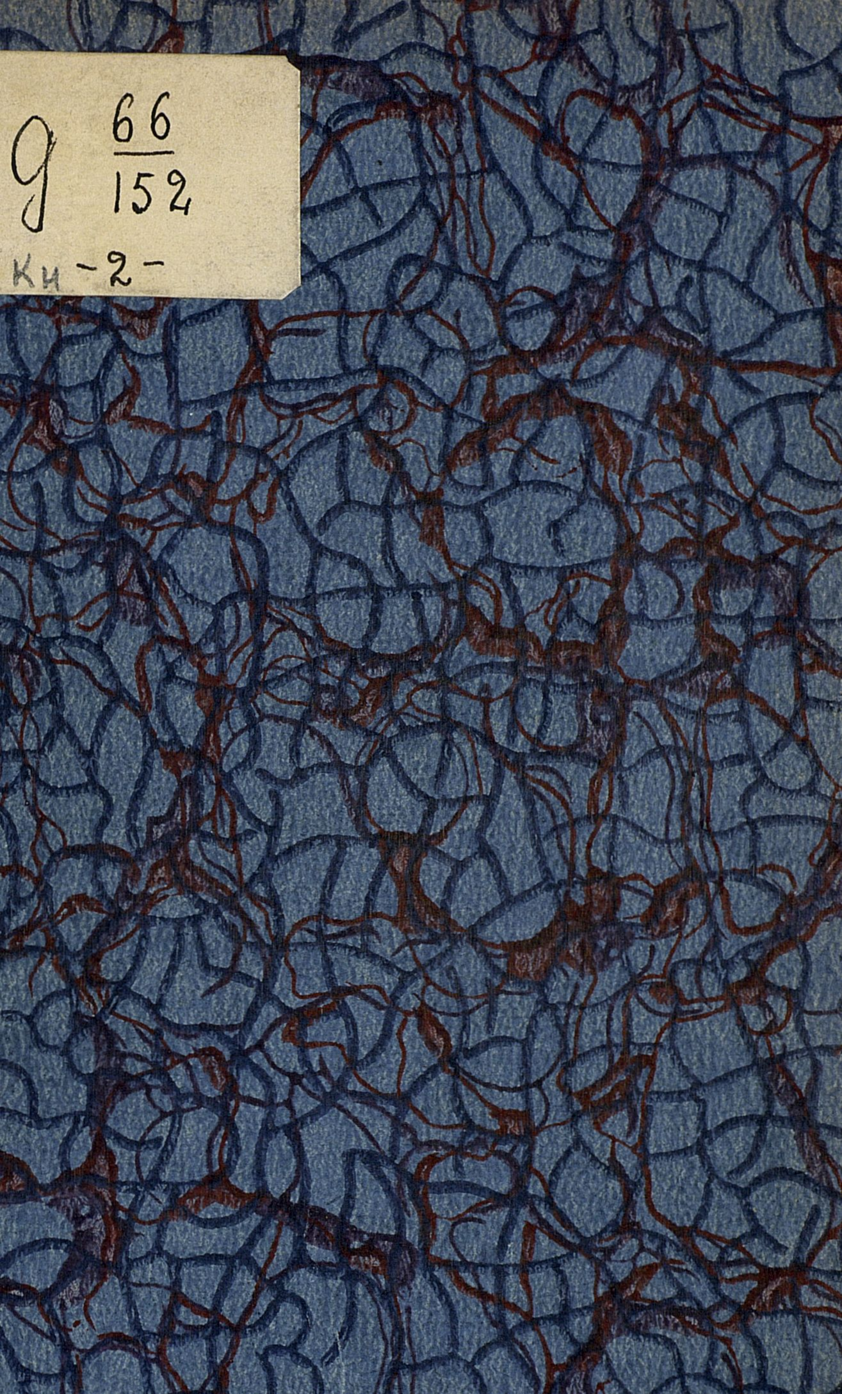
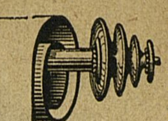

9 66/152
Ки -2-

9 152.

Н. А. СОЛОВЬЕВЪ-НЕСМѢЛОВЪ.

МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ.

РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ

отъ 6 до 9-ти лѣтняго возраста.

СЪ ТРЕМЯ ОРИГИНАЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ.

Книжка вторая.

Цѣна 65 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнгольда Литейная 59.

1879

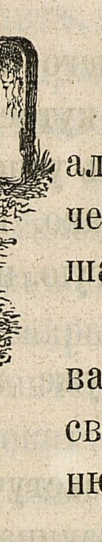

2007465960

МАЛЕНЬКІЙ КОЛЯ
И ЕГО СТРАХИ.

РАЗСКАЗЪ.

[Посвящ. Вячѣ Смирновскому].

I.

Маленькій Коля очень любилъ слушать сказки.

Вечеромъ, бывало, замучаетъ свою старую няню.

— Милая няня, разскажи мнѣ что нибудь, или спой пѣсеньку!.. проситъ ребенокъ.

Мама Колина хворала и уже нѣсколько мѣсяцевъ не вставала съ постели.

Добрая няня тѣшитъ своего баловня. Особенно любитъ она разсказы-

вать ему «Красную шапочку». Когда доходитъ до того мѣста, гдѣ волкъ съѣдаетъ дѣвочку, то Колю бьетъ лихорадка и зубки его начинаютъ стучать.

— Что, боишься, небось?.. замѣчаетъ няня.

Ребенокъ ничего не отвѣчаетъ и только плотнѣе кутается въ одѣяло. Мало-по-малу онъ успокаивается. Отъ страха ему, однако, не спится.

— Скажи другую, няня! опять проситъ мальчикъ.

Няня, было, уже задремала надъ чулкомъ.

Спицы снова застучали у нея въ рукахъ, и она начинаетъ сказку про медвѣдя: какъ ему охотники отрубили лапу; какъ лапу выпросила себѣ бѣдная старушка, остригла шерсть и стала ее прясть, а мясо поставила варить въ печь; какъ въ полночь идетъ по деревнѣ медвѣдь на деревяшкѣ, вмѣсто отрубленной ноги, и поетъ:

Скрипу, скрипу нога—
Скрипу липовая.
Всѣ по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ...
Одна баба не спитъ,
На моей шкуркѣ сидитъ,
Мое мясо варитъ,
Мою шерстку прядетъ!..

Старушка испугалась и спряталась. Но медвѣдь нашелъ ее и растерзалъ.

Няня кончила сказку. Коля опять дрожитъ, какъ осиновый листъ. Онъ не смѣетъ даже закрыть глазъ: боится, что ему приснится волкъ или медвѣдь. А сонъ клонитъ его. Онъ любитъ слушать сказки, но ему становится всегда такъ страшно!..

— Не гаси, няня, свѣчки! говоритъ Коля.—Да спой мнѣ пѣсенку!..

Умаявшаяся за день няня начинаетъ монотоннымъ напѣвомъ, не ясно выговаривая слова:

«Придетъ сѣренькій волчекъ,
«Схватитъ Колю за бочекъ»...

— За что его волкъ схватитъ? спрашиваетъ мальчикъ.

— Зато,что Коля капризничаетъ, да не спитъ долго, какъ ты!..Смотри:спи!

Ребенокъ ничего болѣе уже не спрашиваетъ. Ему кажется, что изъ двери выглядываетъ медвѣдь, а подъ кроватку забрался волкъ и караулятъ оба, когда онъ сойдетъ съ постели. Долго, долго слышится еще однообразный напѣвъ старухи. Наконецъ эта музыка убаюкиваетъ его, и сонъ смежаетъ покраснѣвшія вѣки его усталыхъ глазъ.

Но и во снѣ иногда онъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

— У, безпокойный ребенокъ!.. ворчитъ няня, укладываясь спать. На всю ночь она оставляетъ горѣть ночникъ.

II.

Выздоровѣла Колина мама. Разъ, зимнимъ вечеромъ, пила она съ сыномъ чай.

-- Коля, обратилась она къ ребенку:—принеси мнѣ изъ дѣтской, съ окна, перочинный ножикъ. Я отрѣжу себѣ лимона.

Коля вскочилъ со стула, пріотворилъ дверь, заглянулъ въ дѣтскую и попятился назадъ.

— Тамъ темно, мама! сказалъ онъ.

— Что-жъ такое, дружокъ? Искать ножичка тебѣ не придется: подойди прямо къ окну и возьми его!

— Да я боюсь, мама...

— Боишься?.. удивилась мать. — Чего?...

— Да тамъ волкъ и медвѣдь въ углу сидятъ и, какъ я войду, такъ они бросятся на меня и съѣдятъ!..

Мама хотѣла засмѣяться, но вдругъ сдѣлалась серьезна.

— Сядь на свое мѣсто, Коля, сказала она:—и послушай, что я тебѣ разскажу!..

Коля сѣлъ на стулъ.

— Люди въ домахъ держатъ со-

бакъ, кощекъ... Эти животныя очень привыкаютъ къ человѣку, скучаютъ по немъ. Ты видишь, какъ нашъ Амишка бросается на тебя съ радостнымъ визгомъ, лижетъ руки, лицо, прыгаетъ, когда ты возвращаешься съ прогулки. И какъ онъ воетъ, когда няня оставляетъ его въ квартирѣ, потому что на улицѣ онъ дерется со всѣми собаками. Онъ лаетъ, когда въ переднюю входитъ посторонній человѣкъ. Ты видишь, какъ наша сѣрая Машка вертится около тебя во время обѣда, чая, ластится, толкаетъ тебя подъ руку, такъ что ты сколько разъ изъ-за нея проливалъ даже свою чашку; не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ своей порціи булки или мяса. Это — животныя домашнія. Ни волковъ, ни медвѣдей въ комнатахъ не держатъ, потому что это было-бы слишкомъ опасно. Живутъ эти звѣри въ лѣсахъ и тамъ сами себѣ устраиваютъ жилища.

Мишка-медвѣдь — лакомка и проказникъ большой руки. Онъ очень любитъ медъ и оставляетъ даже дремучіе лѣса, хотя до этого во-все не охотникъ, приближается къ жилищу человѣка и обкрадываетъ бѣдныхъ пчелокъ. Онъ погружаетъ свою лапу въ медовыя соты и обсасываетъ медъ, прилипшій къ ней. Встревоженныя пчелы съ шумомъ покидаютъ улей, набрасываются на медвѣдя, немилосердно жалятъ его, и мохнатому лакомкѣ порядкомъ достается за такое баловство. Когда поспѣютъ ягоды,—для Мишки новое торжество. Напавъ на бруснику или малину, онъ ложится на брюхо и начинаетъ обсасывать ихъ съ вѣточекъ. За нѣсколько шаговъ слышно его чмоканье. Въ продолженіе цѣлаго дня лежитъ онъ такъ, двигаясь только по немногу, и когда встанетъ, то ягодъ какъ не бывало. Если его потревожитъ или разсердитъ человѣкъ, корова или ло-

щадь, то медвѣдь свирѣпѣетъ и бросается на нихъ. За лѣто Мишка раздобрѣетъ, разжирѣетъ и на зиму заваливается въ свою мягкую берлогу на покой. И спитъ безъ просыпу до самой весны.

— Значитъ, медвѣдь спитъ теперь, мама, потому что у насъ зима? спросилъ Коля, слушавшій мать очень внимательно.

— Да, душа моя. И уже по одному этому твой страхъ неоснователенъ. Волкъ питается исключительно мясной пищей. Ловитъ зайцевъ, нападаетъ на стада въ полѣ и уноситъ барановъ, овецъ, телятъ, жеребятъ. Когда его мучаетъ голодъ, то онъ рѣшается ночью подходить къ деревнямъ и радъ тогда поживиться собакой, которую ему удастся стащить изъ-подъ подворотни. Не брезгаетъ также и падалью. Два или три волка могутъ разорвать корову и лошадь. Но на человѣка они бросаются только въ крайнемъ случаѣ.

Человѣкъ ведетъ вѣчную борьбу съ этимъ хищникомъ, истребляетъ его по возможности и не только не пуститъ его къ себѣ въ домъ, но даже близко къ деревнѣ... Теперь я спрашиваю тебя: кто-же пуститъ волка къ намъ въ квартиру и откуда возьмутъ его?... Изъ лѣсу?.. Но подумай, какъ его достать?.. Живой онъ самъ не дастся! Весной можно будетъ видѣть волковъ и медвѣдей въ Зоологическомъ саду, и то въ клѣткѣ, гдѣ они опасности не представляютъ никакой. Повѣрь мнѣ, что если бы сосѣдняя комната была наполнена медвѣдями и волками, то ни сама бы я туда никогда не вошла, ни тебя бы не послала. Теперь, Коля, я беру свѣчку и отправимся вмѣстѣ въ дѣтскую за перочиннымъ ножемъ.

Они пошли.

— Осмотри, Коля, комнату хорошенько и увѣрься, что бояться тебѣ не-

чего... Посмотри въ этотъ уголъ, за стулъ, подъ кроватку, за дверь...

Коля бѣгалъ за мамой и смотрѣлъ, куда она ему указывала.

— Снесемъ свѣчу въ столовую и придемъ сюда безъ огня. Теперь ты осмотрѣлъ каждый уголокъ и убѣдился, что въ комнатѣ никого нѣтъ.

Оставили свѣчку въ столовой на столѣ.

Мама взяла Колю за руку и они вмѣстѣ вошли въ дѣтскую. Прошлись вдоль всей комнаты.

— Я теперь не буду бояться, мама! сказалъ мальчикъ.

— Потому что видишь, что мы вошли въ темную комнату, и ни медвѣдь, ни волкъ насъ не съѣлъ...

Онивозвратилисьопятьвъ столовую.

— А ножа-то мы такъ и не принесли! замѣтила улыбаясь мать.

Коля, уже неговоря ни слова, бросился въ дѣтскую и принесъ его оттуда тотчасъ-же.

Послѣ чая мама сама уложила Колю въ кроватку, загасила огонь и удалилась.

Черезъ пять минутъ Коля спалъ уже здоровымъ, крѣпкимъ сномъ. Щечки его разгорѣлись и на губахъ остановилась веселая улыбка.

На другой день Коля ѣздилъ съ мамой въ Гостинный дворъ. Они купили прекрасныя игрушки: волка и медвѣдя въ настоящей шкурѣ, съ настоящими зубами. Медвѣдь продѣлывалъ уморительныя штуки: онъ становился на заднія лапы и снова могъ опускаться. Коля былъ въ восторгѣ. Провозился съ новыми игрушками цѣлый день и отвелъ имъ особое помѣщеніе у себя въ дѣтской, въ углу, за стуломъ.

Когда вечеромъ мама пила съ нимъ чай, то попросила сына принести изъ дѣтской, со стула, свой теплый платокъ.

Коля бросился исполнить просьбу матери.

— А у тебя за этимъ стуломъ медвѣдь съ волкомъ! напомнила мать.

— Да вѣдь это-же игрушки, мама! засмѣялся ребенокъ и принесъ со стула платокъ. Съ этихъ поръ Коля никогда уже не боялся ни волковъ, ни медвѣдей.

Два ребенка.

ылъ холодный, зимній полдень. Крѣпко морозило хотя и хлопьями падалъ снѣгъ съ потемнѣвшаго неба. Голыя деревья дремали и видѣли чудные весенніе сны довольства и ласки природы, хотя иней мелкимъ пушкомъ и покрывалъ ихъ вмѣсто земныхъ, красивыхъ листьевъ. Народъ двигался по улицамъ и площадямъ, укутанный въ мѣхъ и вату, и все-таки ежась, и потарапливаясь кто куда, отъ холода. На одну изъ площадей, гдѣ производилась наемка

прислуги и рабочихъ, подпрыгивая и похлопывая въ ладоши отъ холода, шелъ мальчикъ: рваная шапка не по его головѣ, какая-то короткая заплатная кацавейка, дырявыя обрѣзки мѣсто сапогъ, изъ носковъ которыхъ выглядывали раскраснѣвшіеся пальцы ногъ, исхудалое смуглое лице, робкій взглядъ карихъ глазъ,—все говорило, что это бѣдный, жалкій ребенокъ нужды, лишеній и горя. Онъ бѣжалъ на площадь на тотъ счастливый для него случай, хотя это было и поздно, что не возьмутъ ли и его на какую-нибудь поденную работу. Мать его больна, она уже не можетъ выходить изъ дому для стирки бѣлья, мытья половъ, какъ поденщица—процомойка; а отецъ давно уже умеръ, онъ тоже былъ рабочій поденщикъ. Сестренка Катя такъ еще мала, что отъ нея, кромѣ крика и плача, ничего не дожидайся... Вотъ и нынче она цѣлое утро не дала ему ходу изъ дому,

знай, блажитъ и конючитъ, не знаетъ, конечно, что тревожитъ мать, связываетъ по рукамъ брата, не понимаетъ что и самой отъ того не легче да и чернаго хлѣба будетъ меньше, а какой есть и тотъ отъ хлипанья для нея не будетъ вкуснѣе...

По той же панели, какъ разъ навстрѣчу ему, шла въ это время къ Гостинному двору маленькая дѣвочка съ своей изящной мамой. Они шли въ магазины купить новую куклу, кусокъ матеріи на платье, рюшу и лентъ на отдѣлку. Миніатюрное, бѣлое личико дѣвочки быстро поворачивалось и туда и сюда въ стороны, — ей хотѣлось разглядѣть и прохожихъ, и проѣзжихъ, привлекали ея зоркій взглядъ и разныя вещи и вещички, тускло выглядывавшія изъ большихъ, нѣсколько запотѣвшихъ извнутри, и заиндѣевшихъ снаружи стеколъ магазиновъ. Но вотъ дѣвочка увидала жалкаго Герасю и ея доброе личико быстро

опечалилось и приняло серіозный видъ, а маленькая ручка даже дрогнула въ рукѣ мамы, какъ будто отъ холода не смотря на теплыя перчатки.

— «Что съ тобою, Нюта? ты, другъ мой, озябла?» спросила мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама! посмотри, посмотри какой это мальчикъ. Ему холодно, холодно, должно быть... мнѣ жалко его, больно жалко!!.. говорила торопливо дѣвочка, ежась въ своей теплой мѣховой шубкѣ,—и тутъ же добавила· — Мама, отдадимъ ему тѣ деньги, на которыя хотѣли купить куклу..... у меня есть старыя... у меня все, все есть, а ему плохо, видно, мама, плохо!..

«На, возьми вотъ, помоги...» сказала коротко мать.

И Анюта, не раздумывая долго, отбѣжала отъ матери, ухватилась за отрепанную полу Герасиной кацавейки и всунула ему въ руку нѣ-

сколько серебрянныхъ монетъ, сказавши:

-- Будь добренькій, возьми ихъ и купи себѣ что-нибудь.

Дрогнула рука у бѣднаго мальчика, но ему какъ-то теплѣе стало и отъ ласковой улыбки дѣвочки, и отъ ея добраго участія, онъ улыбнулся, такъ улыбнулся, какъ давно уже не улыбался и робко проговорилъ, почти на распѣвъ: «Спа-си-бо!..» Счастливѣе Нюты въ тотъ день никого не было въ городѣ, она пѣла и играла вполнѣ довольная, что небезполезна была ея прогулка, что она видѣла нужду и какъ могла съумѣла ей помочь. Правда къ вечеру она впала въ какую-то задумчивость и серіозность не по своимъ годамъ и что-то долго-долго шептала своей куколкѣ, Полѣ, сидя въ уголкѣ дѣтской. Что она ей разсказывала, некому было въ это время слышать, такъ — какъ нянька возилась въ столовой, а Поля отъ природы была

очень молчалива и потому разсказать никому не могла и послѣ; она только, сидя на колѣняхъ у своего друга Нюты, больше кивала на ея шопотъ мраморной головкой и такъ закатывала свои голубенькіе глазки,—такъ какъ Нюта ее крѣпко сжимала,—что не могла разсмотрѣть хорошенько ни розоваго разгорѣвшагося личика пріятельницы, ни сильнаго блеска ея темныхъ глазъ.

А Герася тутъ же, какъ только отошелъ отъ согрѣвшей его своей добротой Нюты, закупилъ хлѣба и лекарства для больной матери, шелъ ровной поступью, такой серіозный. Онъ какъ будто и не чуялъ мороза; изрѣдка изъ его крупныхъ губъ вылеталъ шопотъ: «добренькая, добренькая!..»

Поздно улеглась въ свою кроватку Нюта, долго она въ этотъ вечеръ возилась въ ней, перевертываясь и на правый и на лѣвый бокъ, ей все

какъ-то казалось неловко и подушки сползали очень низко.

— Что это, Господь съ тобой, все не засыпаешь, или что тебѣ тамъ не даетъ покою, дай-ка я, моя голубка, перестелю постельку,—и засни, Христосъ съ тобой, покрѣпче!—припавши къ изголовью, ласково говорила старая няня Артемьевна.

И дѣвочка покорно подчинилась желанію няньки... Вотъ опять улеглась на взбитую перинку, а все таки не спится. Плотно, плотно сжимаетъ она вѣки, вся спрятавшись подъ мягкое, теплое одѣяльце; а случайный знакомый, мальчикъ Герася тутъ, какъ тутъ выдвигается изъ какихъ-то зеленыхъ и темныхъ круговъ. Вонъ, вонъ его исхудалое, блѣдное лице и такіе длинные—длинные, желтые пальцы и коротенькіе рукава пестрой, синей рубашки, такіе коротенькіе, что видны всѣ костлявые локти, и онъ, то протянетъ къ ней руку, то опять ее спрячетъ; а она

то вся сожмется, удаляясь отъ него, то близко, близко подойдетъ и прямо смотритъ ему въ лице. Сонъ давно уже легкой невидимой дымкой сошелъ на тревожную Нюту,—а она подъ напоромъ разныхъ видѣній нѣтъ—нѣтъ да и встрепенется всѣмъ разгорѣвшимся тѣломъ... Видится ей этотъ же самый Герася и полнымъ, здоровымъ мальчуганомъ,—такъ хорошо, чисто одѣтый, идетъ онъ съ книжками въ клеенчатой сумкѣ подъ мышкой,—какъ она встрѣчала не разъ многихъ дѣтей на улицахъ города, идущихъ въ школы, или изъ школъ по домамъ; лицо его такое довольное, но серьезное—серьезное... Такъ всю ночь Герася и не оставлялъ ея въ видѣніяхъ.

А этотъ самый Герася, возвратившись домой,—первымъ дѣломъ далъ лекарства, лежавшей и время отъ времени охавшей на старой кровати больной матери, что прописалъ ей докторъ, живущій въ томъ же домѣ,

этажомъ выше, въ высокихъ комнатахъ окнами на улицу. Къ нимъ въ каморку, что была въ подвалѣ около дворницкой комнаты, привелъ его рослый, широкоплечій Панкратъ,—старшій дворникъ этого громаднаго дома. «Вотъ взгляните, сударь; можетъ-ли она здѣсь отлежаться, али свести ее въ больницу?!.. Да ребятишки вотъ при ней, это, значитъ, и держитъ,—а то бы, извѣстно, я васъ не обезпокоилъ, а прямо, тоись, предоставилъ въ больницу...» Молодой докторъ тщательно протеръ очки въ золотой оправѣ бѣлымъ, какъ снѣгъ, батистовымъ платкомъ, ощупалъ на скоро голову, руку больной и карандашикомъ на засаленномъ листкѣ оторванномъ изъ записной книжки, что далъ ему Панкратъ,—прописалъ что-то непонятное для окружающихъ, сказавши на ходу—«давайте это черезъ два часа по столовой ложкѣ... да теплымъ на ночь напойте больную и хорошенько уку-

тайте...»—Слышишь, Гарася, что баринъ-то сказываетъ,—такъ, значитъ, и сдѣлаешь,—мать тогда и свѣтъ увидитъ!..» внушительно тоже добавилъ Панкратъ и вышелъ осторожнымъ шагомъ за докторомъ... Герася въ ту минуту какъ будто не понялъ, что ему говорили — но теперь вспомнилъ почему-то всѣ короткія наставленія,— и дѣйствовалъ, какъ могъ. Накормилъ къ вечеру сестренку, уложилъ ее на свою кацавейку спать; затопилъ въ темномъ углу печку, набравши гдѣ-то щепъ, древесныхъ осколковъ и нѣсколько коротенькихъ поленцевъ, похожихъ на дрова, собралъ все, что у нихъ было изъ тряпья и укуталъ мать, напоивши предварительно ее чѣмъ-то тепленькимъ... Онъ дѣйствовалъ живо, торопливо, опасаясь какъ бы что-либо не забыть, все успѣть сдѣлать... И вотъ къ 9-ти часамъ, когда мать его забылась, а благодѣтельный потъ смочилъ ее лобъ, лицо и все

тѣло — онъ такъ утомился, что, наскоро свернувшись на какомъ-то тоже тряпьѣ около сестренки, такъ крѣпко заснулъ, что не разу не шевельнулся до самаго яснаго—бѣлаго утра.. Не одинъ сонъ не потревожилъ, какъ равно и не приласкалъ чѣмъ либо розовымъ его успокоенной на это время души и уставшаго тѣла... Не правда-ли для горя, нужды и труда это благо великое?!.

Н—въ.

Дѣтскіе годы.

Шлю привѣтъ родному краю,
Уголку живой природы,—
И съ любовью вспоминаю
Дѣтства прожитые годы.
Вотъ мелькаютъ предо мною
Деревенскія картины:
То избушки надъ рѣкою,
То зеленыя долины;
Надъ широкими полями
Много звуковъ раздается,
Вьются пчелы надъ цвѣтами,
Пѣсня жаворонка льется...
Вотъ брожу я одиноко
Межъ травою—муравою,
Свѣтитъ солнышко высоко
Надъ моею головою;
Кой-гдѣ тѣни пробѣгаютъ,
Тихо травка шевелится,—
Щеки ярче розъ пылаютъ—
И мнѣ хочется укрыться

Дальше съ поля, въ рожь густую,
Иль въ дремучій лѣсъ сосновый...
Вотъ подъ сосну вѣковую,
На коверъ я легъ дерновый,—
Лѣса темныя вершины
Шевелились, какъ живыя;
Сосны, ели—исполины
Стали мнѣ теперь родныя...
Векши, вздернувъ хвостъ пушистый,
По деревьямъ пробѣгали,
Птички пѣньемъ голосистымъ
Лѣсъ дремучій оглашали...
Радъ-бы слушать я душою
Эту музыку до ночи,
Только филинъ надо мною
Вдругъ заухалъ что есть мочи,—
И со страхомъ, по неволѣ,
Убѣгалъ я въ деревушку,
Безъ оглядки, черезъ поле
Въ свою бѣдную избушку.

С. Дрожжинъ.

СОНЪ ЛЕНИ

Сказка.

(Посвящается Ленѣ Оболенскому).

Скучно и холодно на улицѣ. Дождь сердито стучитъ въ окна крупными каплями, вѣтеръ плачетъ такъ заунывно и жалобно, что подъ печальные звуки его стона и самому хочется заплакать... Желтенькіе листочки Петербургскихъ скверовъ крутятся въ воздухѣ и падаютъ. Темно, сыро, холодно!

Скучно въ такіе осенніе дни, въ такіе осенніе вечера взрослымъ, но въ особенности скучно маленькимъ дѣткамъ, безъ ихъ милаго друга, золотаго солнышка. Скучно было и нашему шестилѣтнему Ленѣ, въ такой октябрскій вечеръ и онъ смирно-пресмирно усѣлся на скамеечку неподалеку отъ ярко пылающей печки, пристально смотрѣлъ своими большими темными глазами въ огонь и о чемъ-то крѣпко задумался.

Въ комнатѣ было тихо, совершенно тихо. Младшій братъ Лени, Костя, давно уснулъ въ своей маленькой кроваткѣ, мама Лени ушла въ гости къ своей пріятельницѣ, а папа сидѣлъ рядомъ въ кабинетѣ и писалъ... И вотъ, скрипъ его пера, ровное дыханье спящаго малютки, тиканье старыхъ часовъ, мѣрные удары дождевыхъ капель — все это сливалось въ ушахъ мальчика въ какой-то странный, не то сдавленный шумъ, не то робкій ше-

потъ, среди котораго ему слышались тѣ странныя слова, которыя папа сказалъ вчера своему гостю и которыхъ Леня не могъ понять, хотя онъ запомнилъ ихъ ясно.

«Любовь освѣщаетъ все!»

Да, да, Леня ясно помнитъ, что папа сказалъ именно это и посмотрѣлъ такъ продолжительно, пристально на гостя своими добрыми, хорошими глазами. Но понять этого Леня не могъ, а спросить у папы онъ не успѣлъ, потому что сначала папа уходилъ куда-то, а потомъ онъ сѣлъ писать и писалъ до обѣда,—а за обѣдомъ? Ну, за обѣдомъ было такое вкусное пирожное изъ чернаго хлѣба и яблоковъ, что Леня позабылъ обо всемъ. А послѣ обѣда его любимая собачка, маленькій черненькій щеночекъ Шарикъ, выдѣлывалъ такіе уморительные прыжки, что Ленѣ некогда было думать о серьезныхъ вопросахъ.

Впрочемъ нашъ Леня Ивановъ за-

думывался очень рѣдко, какъ и всѣ маленькія дѣти. Это былъ здоровый, высокій не по лѣтамъ мальчикъ, смуглый съ темнокаштановыми волосами, остриженными подъ гребенку, съ большими темными глазами, умно и весело выглядывавшими изъ-подъ темныхъ рѣсницъ, съ яркимъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, съ красивыми крупными губами. Ручонки у Лени были здоровыя, сильныя и надо сознаться ломали и портили множество вещей и недавали таки покоя порядкомъ, такъ что папа, этотъ добрый, терпѣливый папа, который такъ рѣдко сердился, говорилъ ему: — «Да, нельзя-ли потише! Да нельзя-ли перестать...»

Жилось Ленѣ хорошо. Правда, квартирка у нихъ была маленькая, очень маленькая, она состояла всего изъ двухъ комнатъ. Мебель въ этихъ комнатахъ была простая; прислуга у нихъ была одна, добрая молодая деревен-

ская женщина. У Лени не было ни дорогихъ игрушекъ, ни богатыхъ нарядовъ; но за то Леня бѣгалъ такъ быстро по этимъ двумъ комнатамъ, лазилъ такъ свободно по простенькимъ стульямъ и диванамъ, бѣгалъ и возился на маленькомъ дворикѣ съ сосѣдними ребятишками, съ своимъ щенкомъ Шарикомъ такъ весело, что дни пролетали быстро, а вечеромъ Леня сидѣлъ подлѣ мамы, пока она шила и слушалъ, какъ папа читалъ имъ что-нибудь интересное.

Леня любилъ слушать, какъ читаютъ и сидѣлъ смирно, притаивъ дыханье, такъ смирно, что иногда даже засыпалъ подъ папино чтенье и мама уносила его тогда прямо въ кроватку.

Читать Леня выучился у своего папы быстро, безъ слезъ и безъ особеннаго труда, и даже начиналъ уже писать, хотя подчасъ и выводилъ та-

кія каракульки, что трудно было разобрать на что онѣ походили.

Леня любилъ бесѣдовать со взрослыми, съ папой и съ тѣми его товарищами, которые приходили къ нему. Онъ всегда спрашивалъ у нихъ все, что было для него непонятно, хотя онъ иногда и забывалъ то, что ему объясняли,—но вѣдь ему было только шесть лѣтъ.

И такъ Леня задумывался рѣдко, потому что ему рѣдко приходилось оставаться одному; но сегодня выпалъ именно такой вечеръ. Папа писалъ у себя въ кабинетѣ, мама ушла въ гости, Костя спалъ, спалъ и его Шарикъ, свернувшись въ комочекъ у печки,--а Леня сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ, смотрѣлъ въ огонь и его маленькая головка думала крѣпкую думку, неотвязно работала надъ фразой, что сказалъ папа: «любовь освѣщаетъ все!»

Леню, какъ и многихъ небогатыхъ

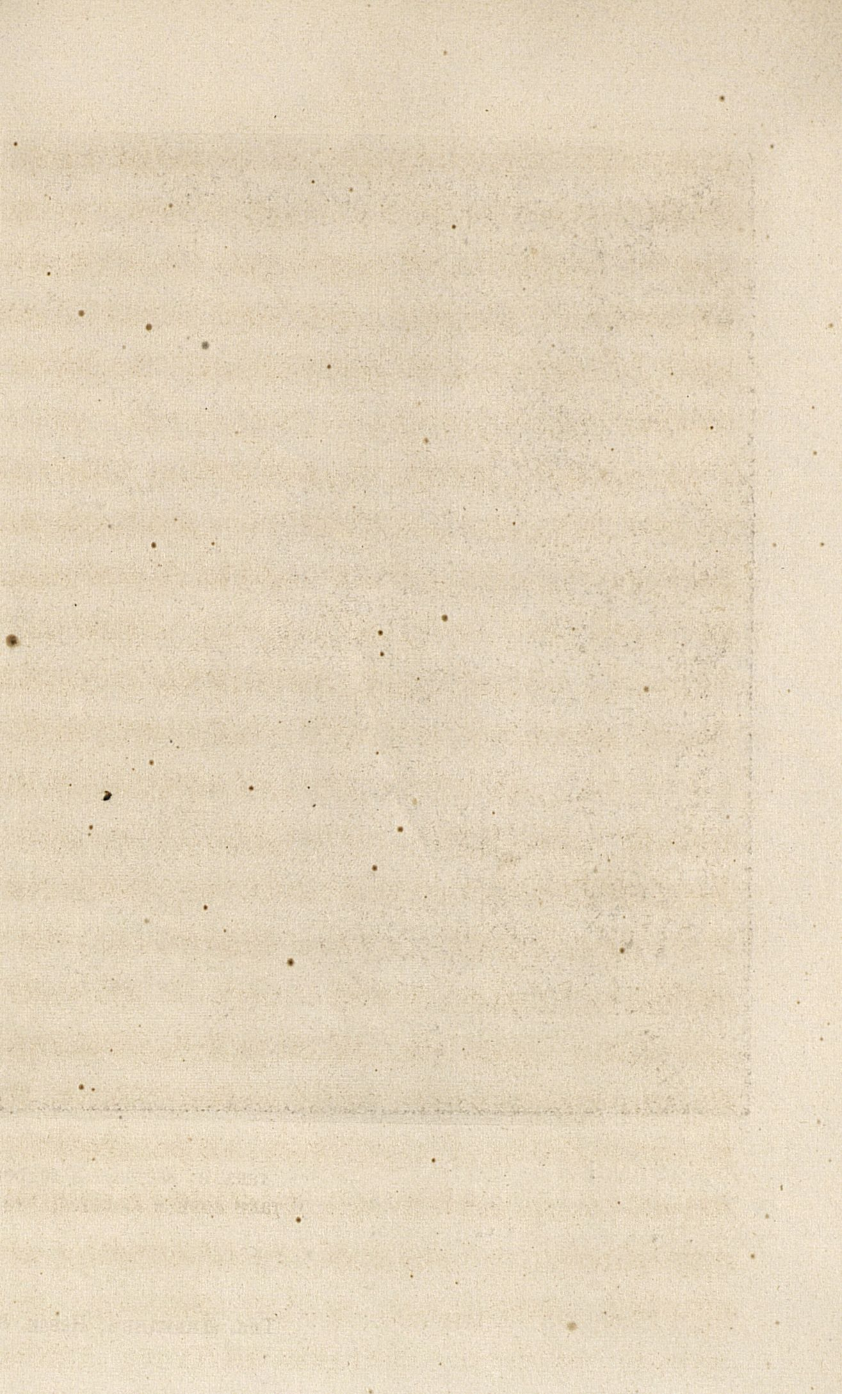
дѣтей можно было оставить безъ присмотра, онъ самъ умѣлъ присмотрѣть за собой и никогда не шалилъ съ огнемъ. Онъ сидѣлъ смирно, глядя то въ печку, то на причудливыя полосы свѣта на полу и думалъ, какъ это любовь можетъ освѣщать. Освѣщаетъ солнце, луна, свѣчка, лампа, огонь,— а любовь? Нѣтъ тутъ, что-нибудь да не такъ?.. Но, вѣдь, папа никогда не лжетъ,—думалось Ленѣ и его головка опускалась все ниже и ниже и глазки все тяжелѣли...

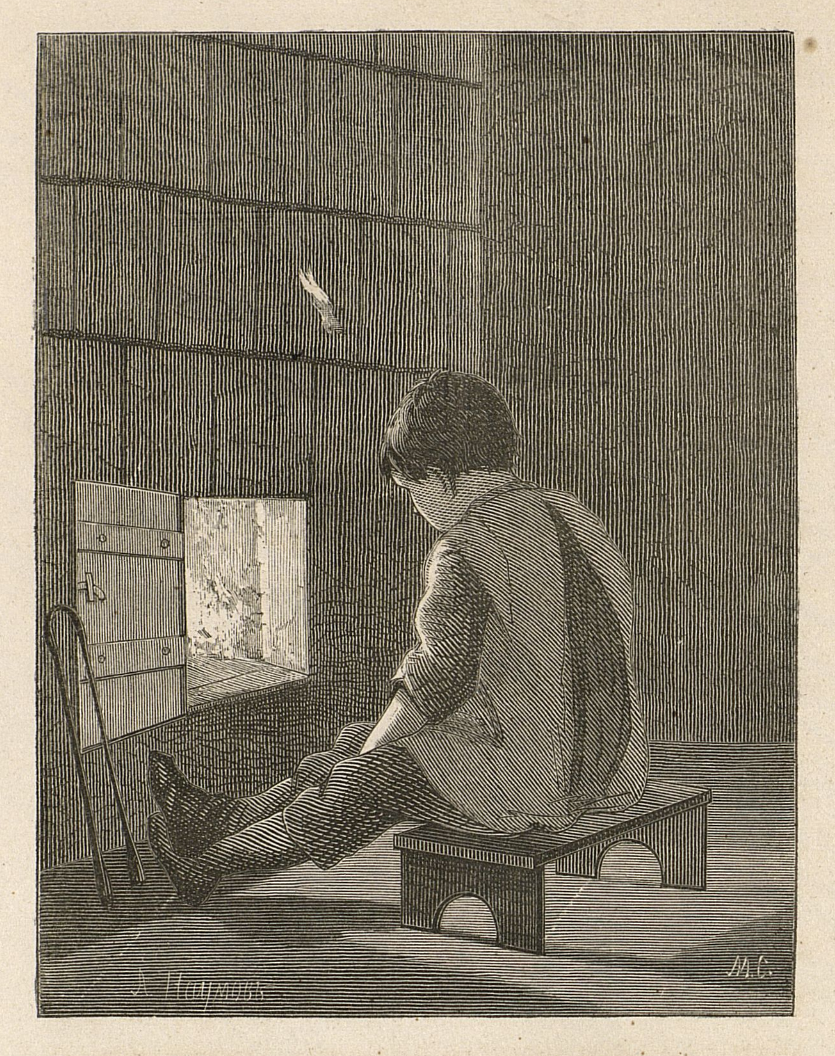
Но вотъ Ленѣ кажется, что прямо къ нему изъ весело потрескивающей печки вылетаетъ такой маленькій, воздушный, голубой огонекъ и начинаетъ порхать и кружиться около него. Ленѣ становится такъ весело, при видѣ огонька, что ему хочется бѣгать и прыгать вмѣстѣ съ нимъ, а на сердцѣ у него такъ свѣтло и тепло, что онъ готовъ бы расцѣловать теперь всѣхъ не только и папу, и маму, и сво-

его чернаго Шарика, и сосѣднихъ р бятишекъ, но и ту бурую кошку, которая постоянно дерется съ его любимымъ чернымъ другомъ и отвѣшиваетъ ему такія полновѣсныя пощечины.

Хорошо Ленѣ! А огонекъ такъ и порхаетъ, такъ и вьется,—и Ленѣ кажется, что вся ихъ квартирка блеститъ и сверкаетъ... Какъ красивы ихъ стулья, какъ мила простенькая лампа, какимъ красавчикомъ кажется Ленѣ двухъ лѣтній Костя, спящій въ своей кроваткѣ. Даже стѣны комнатки сверкаютъ, какъ золото, а огонекъ все кружится и вьется, и шепчетъ Ленѣ:

— «Взгляни на меня, Леня, и ты поймешь, какъ любовь освѣщаетъ все... Взгляни на меня, вѣдь, я именно тотъ огонекъ, та любовь, о которой папа говорилъ и которая освѣщаетъ все своимъ тепломъ и свѣтомъ»... Голубой огонекъ сталъ виться около

Хорошо Ленѣ! А огонекъ такъ и порхаетъ, такъ и вьется,—и задремавшему мальчику на скамеечкѣ противъ печки такъ вотъ и кажется, что вся ихъ квартира блеститъ и сверкаетъ...

Дозвол. Цензур. 21 дек. 1878 г. Тип. **Лебедева**, Невск. 8.

Шарика и маленькая, черная собачка съ толстой мордой показалась Ленѣ красивѣе всѣхъ шелковистыхъ косматыхъ собачекъ, которыхъ Леня видѣлъ, гуляя съ папой по улицамъ Петербурга.

— «Ну, понялъ-ли ты теперь почему и какъ любовь освѣщаетъ все!»

— Понялъ! радостно воскликнулъ мальчикъ, глядя на голубой огонекъ, порхающій около него.

— Я люблю папу, маму, Шарика, нашу квартирку,—и поэтому они дороже и лучше всего на свѣтѣ для меня,—шепталъ Леня въ отвѣтъ огоньку.

А огонекъ все вился и порхалъ.

— «Твой папа сказалъ правду,—любовь освѣщаетъ все. Гляди же на меня пристальнѣе, голубчикъ,—я та любовь, которая все освѣщаетъ и которую многіе подавляютъ въ себѣ, совсѣмъ глушатъ и не даютъ ей пищи, — и тогда она, грустная, умираетъ... Плохо живется людямъ безъ

меня, синяго огонька, холодно и темно у нихъ на душѣ, какъ въ осенній вечеръ на улицѣ. Не гаси же меня, дай мнѣ горѣть у тебя въ душѣ и тебѣ будетъ хорошо и свѣтло»,—шепталъ огонекъ и вдругъ погасъ...

Темно, холодно стало Ленѣ безъ свѣтлаго огонька. Угрюмо и непривѣтно смотрѣли стѣны комнатки, стулья и столы и онъ протянулъ вдаль ручонки, маня къ себѣ голубой огонекъ.

— Леня, никакъ ты уснулъ, голубчикъ? сказалъ отецъ, войдя въ комнату и положивъ свою широкую, пухлую руку на плечо задремавшаго мальчугана.

Мальчикъ быстро встрепенулся, протеръ ручонкой заспанные глазенки и, увидѣвъ передъ собою доброе, ласковое лицо отца, освѣщенное красноватымъ пламенемъ печки, его высокій лобъ обрамленный темными кудрями съ чуть замѣтной блестящей про-

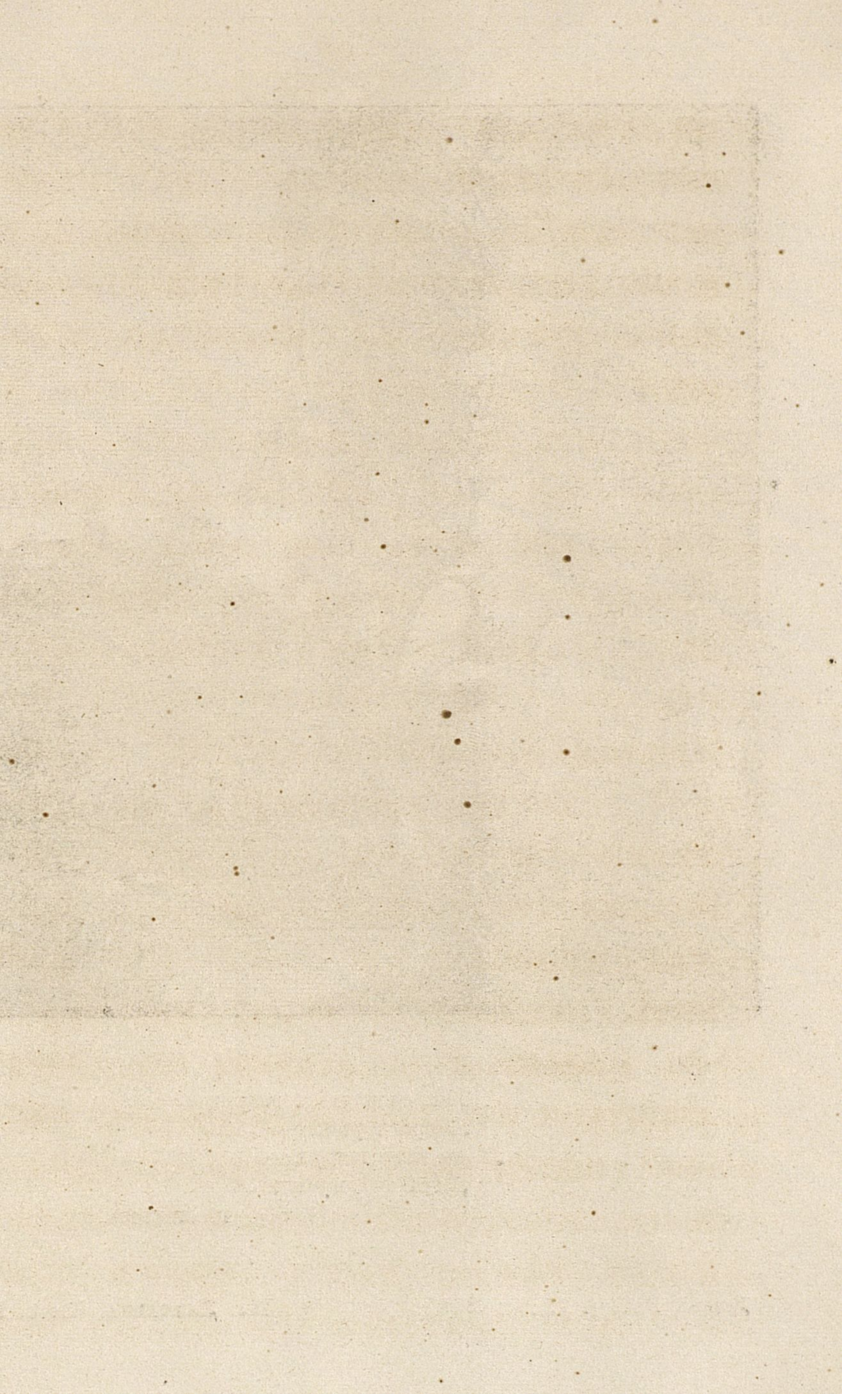
сѣдью, его умные, синіе глаза, добрую улыбку и знакомый, потертый сюртукъ, заговорилъ быстро:—Папа! теперь я понимаю, что значатъ твои слова: «любовь освѣщаетъ все». Я люблю тебя, маму, Шарика и всѣхъ, всѣхъ кого знаю и вы для меня лучше всего на свѣтѣ.

— Ну, и прекрасно, что понялъ, мой умникъ! ласково разсмѣялся отецъ.— А теперь тебѣ и въ самомъ дѣлѣ спать пора. А то додумался до того, что заснулъ. Видишь и Костя, и Шарикъ спятъ давно крѣпкимъ сномъ.

Отецъ бережно раздѣлъ и уложилъ мальчугана въ кроватку, стоявшую неподалеку отъ печки и темные глазки ребенка снова закрылись. Леня тотчасъ же уснулъ, какъ только головка его прикоснулась къ подушкѣ, потому что старые часы давно пробили девять, а онъ постоянно ложился не позже восьми. Но и во снѣ ручки Лени иногда протягивались вдаль и

на губахъ его бродила улыбка, точно онъ искалъ и манилъ тотъ голубой огонекъ, который такъ недавно вился и порхалъ около него, когда онъ спокойно дремалъ на скамеечкѣ у печки...

А. С.

Стеша думаетъ:

…„Да, сиди здѣсь смирно,
„Стереги утятъ!—
„А въ лѣсу подружки
„Бѣгаютъ, шумятъ!..“

И. Суриковъ.

Дозвол. Цензур. 21 дек. 1878 г. Тип. **Лебедева**, Невск. 8.

Стеша.

У пруда, гдѣ верба
Стройная ростетъ,
Дѣвочка—малютка
Утокъ стережетъ.

***

Утки на свободѣ
Весело гогочутъ,
А въ травѣ кобылки,
Прыгая, стрекочутъ.

***

Пусто и безлюдно...
Въ полѣ весь народъ:
Тамъ теперь работа
Жаркая идетъ.

***

Бѣдная деревня
Тишиной объята,—
Лишь хохочутъ гдѣ-то
Весело ребята.

***

Хочется малюткѣ
Убѣжать скорѣй
Въ кругъ веселый бойкихъ
Сверстниковъ—дѣтей.

***

Думаетъ: «какъ птица,
Къ нимъ-бы я слетала,—
Да ходить отсюда
Мать не приказала...

***

Да! сиди здѣсь смирно,
Стереги утятъ!—
А въ лѣсу подружки
Бѣгаютъ, шумятъ!..

***

Мнѣ одной нельзя, вишь...
Чтожъ! Нельзя—не надо!
И въ глазахъ сверкнула
Дѣвочки досада.

***

На лицо печали
Облачко нашло...
Мигъ одинъ,—и снова
Личико свѣтло.

***

Шепчетъ улыбаясь:
«Глупая я, право!

Мать мнѣ говорила:
Намъ не до забавы.
***
Вѣдь учить худому
Не захочетъ мать»...
И чулокъ свой стала
Дѣвочка вязать.
***
Только въ ручкахъ спицы
Ходятъ плохо что-то:
Въ головѣ другая
Началась работа.
***
Рой вопросовъ темныхъ,
Рой безсвязныхъ думъ
Занимаютъ дѣтскій
Не развитый умъ.
***
О житьѣ домашнемъ
Думаетъ малютка.
Въ немъ одно понятно,
Для ея разсудка:
***
То, что даже въ праздникъ
Скуденъ ихъ обѣдъ,
И порою крошки
Хлѣба въ домѣ нѣтъ.
***

Часто плачутъ дѣти
И кричатъ упрямо:
Мама! мы не ѣли!
Дай намъ хлѣба, мама!..

***

Все длиннѣй вопросовъ
Безпокойныхъ нить,—
Только ихъ малюткѣ
Трудно разрѣшить.

***

Маленькое сердце
Сжалось больно, больно...
А кругомъ такъ тихо,
Ясно и привольно...

БОЛЬНОЕ ДИТЯ.

(Эскизъ)

Володя Стрепетовъ, здоровый, веселый мальчикъ — вдругъ что-то сталъ пасмуренъ, печаленъ.

— Что съ тобой, мой милый? пристаетъ разъ, два, три къ нему мама. Одинъ отвѣтъ:

— Голова, голова болитъ...

День, другой—и слегъ. Простудился, или еще отъчего,—только горитъ и мечется въ жару ребенокъ. Доктора одинъ за другимъ выслушиваютъ дыханіе, высчитываютъ біеніе пульса, провѣряютъ градусы внутренняго жара задумываются, совѣтуются одинъ съ другимъ, пишутъ рецепты... А все мальчикъ мечется и стонетъ, дико поводитъ кругомъ мутными глазами. Озабоченъ и грустенъ отецъ, разбита горемъ мать. На болѣзненномъ быстро похудѣвшемъ лицѣ минутами можно прочесть: «*а что, какъ онъ у насъ умретъ?*» И слезы градомъ катятся по лицу и поѣдаютъ послѣдній его нѣжный румянецъ...

Володина мама потеряла покой, засѣла въ деревнѣ на скучную осень

и холодную неприглядную зиму, — почти не отходитъ отъ сына,—только и слышно:

— Мальчикъ, мой бѣдный мальчикъ!.. Ну, повернись, голубчикъ, на другой бокъ... вотъ такъ... хорошенько... Я подушку поправлю... Дай, я немного грудку разстегну,—такъ дышать тебѣ свободнѣй!..

Вотъ и сидитъ у изголовья дорогого ей больнаго любящая мать—нѣжно смотритъ ему въ глаза, тихо поцѣлуетъ, тихо приголубитъ.

Но вотъ, невольно у родной пара слезъ скатилась съ темныхъ дрогнувшихъ рѣсницъ,—сынъ замѣтилъ, — онъ пришелъ уже въ сознаніе,—затряслись его губенки...

— Что ты плачешь, мама? Мама милая моя,—видишь, мнѣ вѣдь легче... Какъ ты только подойдешь ко мнѣ, да присядешь,—ну, мнѣ и легче... Вотъ я скоро буду бѣгать... Не плачь-же!..

— Тяжело, туманно, жаръ въ головѣ ребенка, какъ свинцомъ ее давитъ, нѣтъ силъ поднять руку, вытянуть ногъ; хочется метнуться, простонать отъ боли хоть разочекъ... Да сидитъ тутъ мама... Сидитъ она и день и ночь... взглянетъ, улыбнется, — улыбнется и ребенокъ... Стоны, охи бѣгутъ отъ тѣхъ улыбокъ дальше, дальше... Слезъ показать боятся сынокъ и мама... А забудется малютка,— вотъ тогда ужь и возможно мамѣ вволю по грустѣть и по плакать... Отъ жгучей болѣзни вырветъ сына мать, дорогъ онъ ей,—ея любовь и радость,— хотя бы послѣ пришлось и самой свалиться... То-и-знай слышенъ ея мягкій голосъ:

— На, хлебни морсу хоть глоточекъ... Видишь, губки-то засохли... Дай, смѣню компресъ... Что, больно мушка нарываетъ?.. Ну, потерпи, моя радость,—а потомъ, Богъ дастъ, по-

правишься—и въ садъ скорѣй пойдемъ вмѣстѣ... А въ саду-то какъ разъ настанетъ золотое время,—зелень, цвѣты, а тамъ и фрукты насъ будутъ поджидать,—все, чего тебѣ угодно...

Мама и ребенокъ вѣрятъ, крѣпко вѣрятъ, что болѣзнь ихъ не одолѣетъ... Сокрушатъ они ее любовью, лаской...

День за днемъ проходитъ и горячка злая дальше, дальше убѣгаетъ... Вотъ ужъ сынокъ и сидитъ, — исхудалъ, но, поднялся... День за днемъ идутъ и таютъ,—для веселыхъ и занятыхъ дѣломъ незамѣтно, какъ будто и не было ихъ, для скучающихъ и незанятыхъ они тянутся такъ долго, скучно,—и Володѣ лучше, лучше... Онъ не спѣша уже по комнатамъ ходитъ маленькимъ старичкомъ подъ руку съ мамой... Нѣтъ — нѣтъ будто вѣтеркомъ его въ сторону шатнетъ, — но, бодрится... Вотъ добрый докторъ по-

зволилъ и въ садъ идти пока въ полдень... Веселъ Володя, улыбнулась еще веселѣй ему мама... А въ саду-то какая благодать: и зелень и цвѣты и хоры вольныхъ птичекъ, жужжанье работницъ пчелъ, обгоняющихъ всю малую и большую братію разныхъ мошекъ, букашекъ, словно онѣ заявляютъ: «Сторонитесь други, наше время теперь и работы по горло!!..»— И у насъ заботъ не мало, слышится чуть повсюду имъ въ отвѣтъ: «Господи, какая благодать кругомъ!»

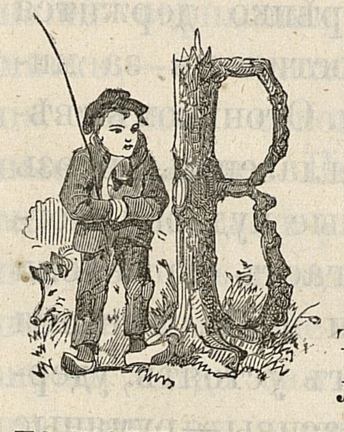
Смерть малютки.

Въ деревенской хатѣ,
На столѣ дубовомъ
Спитъ-себѣ малютка
Въ гробикѣ сосновомъ.
Сложены рученки
И къ груди прижаты...
Вотъ малютку скоро
Вынесутъ изъ хаты,
Бѣлой пеленою
Мать глаза закроетъ,
Окропитъ слезою,
Голосомъ повоетъ,
Броситъ на могилу
Горсточку землицы,—
Запоютъ надъ нею
Щебетуньи-птицы;
Выглянетъ весною
Солнышко, сіяя,
Заростетъ травою
Насыпь земляная.

Смерть малютки

Въ деревенской хатѣ,
На столѣ дубовомъ,
Спитъ-себѣ малютка
Въ гробикѣ сосновомъ;
Сложены рученки
На груди прижаты.
Вотъ малютку скоро
Вынесутъ изъ хаты,
Въ полѣ голое
Мать глаза закроетъ.
Окропитъ слезою,
Голосомъ завоетъ.
Бросятъ въ могилу
Горстку землицы,—
Запоютъ надъ нею
Щебетуньи-птицы;
Выглянетъ весною
Солнышко, сіяя,
Заростетъ травою
Насыпь земляная.

ТИМОША ДА МАРКУША.

Въ одномъ селѣ каждое лѣто гостили два брата, хотя и не родные, но пріятели большіе... Звали ихъ — одного Тимошей, другаго Маркушей.

Смѣлый, бойкій, живой—Маркуша любилъ покопаться въ саду, въ огородѣ, въ песочкѣ,—и не безъ пользы... Раньше другихъ онъ узналъ, откуда попадаютъ въ любимый его супъ, такими красивыми звѣздочками, вкусные кружечки моркови съ розовымъ

ободочкомъ и съ желтой сердцевинкой... Издалека Маркуша угадаетъ по мелкой зелени узорчатыхъ листочковъ, гдѣ прячется, зарывшись отъ завистливыхъ глазъ и острыхъ бѣлыхъ зубовъ, круглый, длинный корень морковки—и гдѣ онъ крѣпко держится своимъ тонкимъ хвостикомъ за милую его маму-землицу. Огонькомъ свѣтятся у Маркуши глазенки, врозь разсыпаются его бѣлые кудерки, когда онъ бойко пробѣгаетъ по зелени огородной. И туда, и сюда тянутся его рученки... какъ тутъ устоять, удержаться ребенку! Красивы—румяные цвѣты мака! а вотъ ужъ на немъ и зеленые кувшинчики съ зубчатыми вѣнчиками, гдѣ скрылись, притаились темные крошки—зернышки съ своимъ сладкимъ сокомъ.

—Маковки, маковки, дайте мнѣ поскорѣе повидать, пожевать вашихъ сѣмечекъ?—шепчетъ Маркуша, пробѣгая мимо мака.

Шалунъ-вѣтерокъ разкачалъ малыя зеленоватыя маковки,—они тихо залепетали:

— Мальчикъ ты, мальчикъ, удалая головка, иль не видишь, что мы еще гуляемъ въ зеленыхъ платьицахъ? наши зернышки сыры, невкусны и мягки,—не скатала ихъ мама-землица своимъ сокомъ въ круглые темные шарики... Не тронь насъ до времени! Ты самъ узнаешь, когда будетъ пора: тогда придетъ наша смерть,—побѣлѣетъ наше платьице,—ты услышишь тогда самъ, какъ шумомъ зашумятъ въ насъ неугомонныя зернышки; сами къ тебѣ на зубъ и на языкъ посыплются,—только знай, подставляй мастерски свой ротикъ!...

Пріостановился Маркуша, — вслушивается, что тамъ лепечутъ зернушки—маковки; а пухленькая ученка, знай себѣ, тянется къ разбросавшимся широко по грядѣ зеленымъ листьямъ круглой здоровой рѣпы. Тя-

нетъ мальчикъ листья, а самъ бормочетъ: «да ну-же, ну вылѣзай скорѣе, покажи свою головку, сонуря!... Что ты заспалась—залежалась!?

— А, Тима, и ты тутъ? вишь, ползетъ,—видно, птичку запримѣтилъ?

— Смотри, не спугни, Маркуша; я только на нее полюбуюсь: я ее не трону... Смотри, смотри, какъ она хвостикомъ вильнула... Смотри,—какъ носикъ свой ножкой очищаетъ?... Смотри, какія перушки... А-а-а! порхъ! улетѣла...

И тихо, на цыпочкахъ, съежившись, пробирается съ грядки на грядку смугленькій, тихенькій Тима. Вонъ, тамъ—по угламъ огорода, за кустиками и въ кустахъ для него раздолье... Туда часто летаютъ птички попрыгать по вѣткамъ, поразправить свои ножки, отдохнуть отъ полета, — попѣть пѣсенки, — посвистать, позабавить травку, кустики, чтобы дружнѣй росли, веселѣй зеле-

нѣли,—и себя потѣшить. Тимѣ раздолье,—тамъ-то онъ частенько посиживаетъ, полеживаетъ на травкѣ и съ птичками дружбу, знакомство ведетъ.

— Тима, Тима, куда ты?... постой погоди меня!...

— Нѣтъ, Маркуша, ты вѣдь запрыгаешь, зашумишь, — моихъ птичекъ распугаешь...

— Постой, Тима, помоги мнѣ вытащить эту несговорную рѣпу; а я ужъ не бойся—буду съ тобой тихо сидѣть подъ кустами, не спугну твоихъ птичекъ...

И вотъ Маркуша да Тима, взявшись дружно за рѣпу, дергъ-дергъ-дергъ ее: оба на грядку повалились— и рѣпа изъ земли выпрыгнула, да всторону—бухъ! отлетѣла, обдавши брызгами земли разкраснѣвшіяся лица довольныхъ, счастливыхъ ребятокъ... Маркуша запрыгалъ, трясетъ, мотаетъ непокорную. «Что, что, упи-

ралась, круглушка! кричитъ онъ. Ну, теперь идемъ къ твоимъ птичкамъ».

И дѣти, сцѣпившись рука съ рукой, тихо—осторожно пробираться за кусты. Налетѣло птичекъ много, много, и все разныя; свистятъ, трещатъ, щебечутъ, чирикаютъ—каждая по своему,—видно, что всѣ они рады, довольны, веселы,—и теплому ласковому солнышку, и доброму кустику, въ зелени котораго теперь летаютъ, неустанно очищая его за добрый привѣтъ, отъ червяка-ползуна, что то—и знай ползетъ — ползетъ да листочки объѣдаетъ... Тима замеръ: только по миганью его добрыхъ глазокъ да по тихому, ровному дыханью можно замѣтить, что онъ живъ. Маркуша, позабывшись, посматривая въ кусты, изрѣдка принимался болтать ножонками... Тогда Тима легонько дергалъ его и тотъ унимался; силился было тотъ раскрыть и ротъ, чтобы молвить словечко одно, другое, но замѣчалъ,

что Тима не смотритъ на него, и принималъ опять спокойное положеніе. Вотъ бойкій, зоркій воробей скакалъ, скакалъ по кустику,—вдругъ, прыгъ— и какъ разъ къ рукѣ Тимы: не выдержалъ мальчикъ,—цапъ его за сѣрое платьице. Воробей метнулся въ сторону, громко чирикнулъ; «Я птица вольная! За чѣмъ я вамъ, маленькія дѣтки!? не троньте меня!» А тутъ, какъ разъ плотно уцѣпилъ его Маркуша.

— На, его тебѣ, Тима! ишь какой прыткій; посмотри—да и пустимъ.

— Извѣстно, пустимъ; я только хочу посмотрѣть, есть-ли у птичекъ зубы...

И, раскрывши ротикъ (клювъ) воробья, Тима осторожно поводилъ мизинцемъ по твердому языку птички. Убѣдившись, что у птичекъ нѣтъ зубовъ, пустилъ храбраго воробья на волю. Живо онъ вспорхнулъ и опять запрыгалъ съ вѣтки на вѣтку, не уни-

маясь чирикалъ что-то, разсказывая птичкамъ о своихъ дѣлахъ... Тима съ Маркушей опять улеглись подъ кусты—и спокойно себѣ смотрятъ да слушаютъ.

Страдалецъ.

(Посвящается Колѣ).

Въ домѣ родномъ по кровати
Мечется бѣдный мой братъ, —
Стоны больнаго дитяти
Глухо, но грозно звучатъ...

*
* *

Что за суровыя муки
Онъ принужденъ выносить:
Въ судоргахъ ноги и руки
Начало страшно сводить;

*
* *

Жаръ безпощадный мѣшаетъ
Хоть на минуту заснуть,—
Онъ все сильнѣй налегаетъ
Гнетомъ удушья на грудь!

*
* *

Какъ облегчить тутъ страданье
И отогнать его прочь?

Право, такому созданью
Эти мученья не-въ-мочь!...

*
* *

Знаю я: милаго брата
Недугъ жестоко измялъ—
Полный и свѣжій когда-то,
Желтымъ онъ, худенькимъ сталъ;

*
* *

Въ лобъ его глазки ввалились,—
Блещутъ зловѣщимъ огнемъ,
Ручки ого опустились
Обѣ въ безсильи тупомъ!—

*
* *

Не шелохнется, бѣдняжка,
Весь истомленъ и разбитъ:
Такъ ему больно и тяжко,
Что неподвижно лежитъ....

*
* *

Съ грустью надъ сыномъ склонилась
Славная, добрая мать....
Вижу: слезинка скатилась
Тихо изъ глазъ на кровать,

*
* *

И побѣжали рѣкою

Тысячи новыхъ за ней,—
Льются одна за другою
Въ мракѣ безсонныхъ ночей!

*
* *

Вовсе родимой не спится,—
Вскочитъ стремительно вдругъ,
Если до слуха домчится
Вопля страдальческій звукъ!...

*
* *

Только знакомый услышитъ
Слабый она голосокъ,—
Чуть отъ волненія дышетъ:
Что-то ей скажетъ сынокъ?

*
* *

«Больно мнѣ, мама,—нѣтъ силы
«Дольше томиться, терпѣть....
«Я не боюся могилы—
«Лучше-бъ скорѣй умереть!»

*
* *

Шепчетъ, на силу крестяся
Ручкой своею худой,
Жарко усердно моляся,
Близкій и милый больной....

*
* *

Если всесильный Ты, Боже—
Видишь печали земли,
Этимъ моленіямъ тоже,
Искреннимъ, чистымъ, внемли:

* * *

Сжалься надъ матушкой милой,—
Брата спаси моего...
Полнаго новою силой
Ты возврати намъ его!...

* * *

Пусть подростаетъ,—и смѣло
Въ жизни мы рядомъ пойдемъ
Бодро полезное дѣло
Ближнимъ на пользу начнемъ,

* * *

Слабымъ друзьями мы будемъ,
Родину крѣпко любя
И никогда не забудемъ,
Добрый Творецъ, про Тебя!

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.

[РАЗСКАЗЪ].

Эта недѣля проливнаго дождя превратила единственную улицу деревеньки «Знаменки» въ настоящее болото.

Дачники жалуются на скуку, рабочій людъ, обязанный ежедневно ходить на работу—на непроходимыя дороги, а дѣти на то, что ихъ не пускаютъ гулять. Непогода и грязь—враги дѣтей, а потому какъ только завидятъ они сѣрыя облака, которыя точно завѣсой закрываютъ отъ нихъ любимое солнышко,—тотчасъ нахохлятся, точно цыплята и нехотя ползутъ въ скучные углы комнатъ.

Когда нѣтъ солнца, нѣтъ и бабочекъ, нѣтъ весело поющихъ птичекъ, а главное нѣтъ на улицѣ той ватаги дѣтей, которыя точно дѣти одной матери, такъ

и льнутъ другъ къ другу, оглашая своимъ звонкимъ веселымъ смѣхомъ спокойный воздухъ.

Солнце для дѣтей все: оно ихъ радость, ихъ утѣшеніе.

Когда свѣтитъ солнце, имъ не говорятъ: «сидите дома», «на улицѣ сыро», «на улицѣ грязно», «пойдете—простудитесь, выпачкаетесь».

Прогуливаясь по лазурному небу, и заглядывая своимъ теплымъ, ласкающимъ лучомъ въ каждый темный, сырой уголокъ и убогую лачужку, солнце, какъ будто даетъ знать дѣтямъ, что они могутъ выйти погулять и порѣзвиться. Но не однимъ дѣтямъ дѣлается весело при видѣ солнечнаго луча: все какъ будто оживаетъ, когда онъ, пробившись сквозь густыя, тяжелыя тучи разомъ обновляетъ все окружающее.

Каждому, кто любитъ природу, вѣроятно, не разъ приходилось видѣть, какъ передъ грозой, сначала все начинаетъ волноваться: вѣтеръ своей стихійной силой рветъ и ломаетъ все, что ему попадается на дорогѣ, а потомъ вдругъ затихаетъ,—затихаетъ и все кругомъ... Птицы прячутся въ чащу деревьевъ или дупла, кузнечики замолкаютъ, изчезаютъ бабочки, лѣсъ темнѣетъ и перестаетъ шумѣть, даже рожь стоя на своихъ длинныхъ стебляхъ перестаетъ колыхаться.

Въ жаркій іюльскій день, недалеко отъ моря, на только что скошенной лужайкѣ, собралось много дѣ-

тей всевозможныхъ возрастовъ: были между ними и постарше, были и самыя маленькія. Они не играли въ городки, чижи или веревочку, нѣтъ, они просто догоняли другъ друга, возились, бросались на скошенную траву, забирались на верхушки стоговъ и оттуда скатывались на животѣ или на спинѣ внизъ.

Отъ ихъ говора и шума, надъ лужайкой стоялъ какой-то гулъ. Ни спора, ни отдѣльныхъ словъ не было слышно, разносился только одинъ веселый смѣхъ ни чѣмъ не вызываемый, а являющійся самъ собою.

Когда солнце близилось къ закату, игра была, что называется, въ полномъ разгарѣ. Съ протяжнымъ крикомъ коростеля и пѣніемъ жаворонка льющагося изъ изъ голубой выси, сливались пѣсни, свистки, щелканье листьевъ.

Вдали отъ играющихъ, на большомъ, наполовину ушедшемъ въ песокъ камнѣ, у самаго моря, сидѣлъ небольшой, но коренастый мальчикъ и внимательно слѣдилъ за медленнымъ движеніемъ рыбацкой лодки.

Ни звонкій смѣхъ дѣтей, ни чиликанье птичекъ, ни трещаніе кузнечиковъ, ни даже долетавшія со стороны играющихъ слова: «чего смотришь точно окаменѣлый какой! иди играть!» не отвлекали его вниманія. Мальчикъ сидѣлъ спокойно, изрѣдка только отбрасывая большимъ пальцемъ правой ноги изломанныя раковинки, или почесывая нога объ ногу, — у

него не было сапоговъ и комары немилосердно кусали его загорѣлыя ноги. Открытыя до локтей руки, также были искусаны комарами.

— Отчего ты нейдешь играть, мальчикъ? спросила его женщина, давно наблюдавшая за нимъ,—тамъ на лодкѣ твой отецъ и ты ждешь, что онъ привезетъ тебѣ на ужинъ живой рыбки?

— У меня нѣтъ отца, отвѣчалъ мальчикъ. Онъ давно умеръ.

— Такъ ты значитъ сирота,—начала снова его распрашивать женщина.

— У меня есть мать, сестры.

— А гдѣ ты живешь?

— Въ Михайловкѣ.

— Должно быть ты усталъ нести щепы?

Подлѣ мальчика лежала довольно большая вязанка щепъ.

— Отчего устать, привычный. Да я и набралъ-то ихъ столько, сколько могу снести.

— Говорятъ иди! послышались снова голоса играющихъ.

Тогда мальчикъ всталъ, одернулъ рубашку и пошелъ по направленію къ лужайкѣ.

Отъ скошенной травы и цвѣтовъ вѣяло какимъ-то особеннымъ ароматомъ, присущимъ только травамъ. Длинныя, безконечно длинныя тѣни деревьевъ тяну-

...Они возились, бросались на скошенную траву, забирались на верхушки стоговъ и оттуда скатывались внизъ.

Дозвол. Цензур. 21 дек. 1878 г. Тип. **Лебедева**, Невск. 8.

лись во всю длину луга, перегибаясь дугой на копнахъ свѣжаго сѣна. На освѣщенныхъ точно заревомъ толстыхъ стволахъ деревьевъ, тѣнь идущаго мальчика рисовалась черной перебѣгающей полосой. Щедро разбрасывало свои послѣдніе лучи солнце; заброситъ его въ лужицу—лужица тотчасъ освѣтится, какъ будто краснымъ бенгальскимъ огнемъ. Заглянетъ въ окошечко одиноко стоящаго деревяннаго домика, почернѣвшаго отъ времени и непогоды, и въ окошечкѣ явится яркій свѣтъ; ворвется сквозь худую крышу навѣса и разомъ освѣтитъ на соломѣ стоящую лошадь, корову, пережовывающую въ полуснѣ жвачку, куръ на нашестѣ, соху съ вычищеннымъ о землю желѣзомъ, телѣгу, и цѣлую груду изломанныхъ кадокъ, обручей и колесъ.

— Что это тебя не дозовешься, Сашутка—заговорили въ одинъ голосъ дѣти и обступили его кругомъ.

Не успѣлъ онъ выговорить слово, какъ вдругъ сзади на него налетѣли два мальчика и ну его трепать въ разныя стороны, онъ стоитъ и только пошатывается, а тутъ подоспѣлъ третій, да какъ вскочитъ къ нему на плечи, а тамъ четвертый, какъ заяцъ какой, проскакиваетъ между ногъ... Онъ все стоитъ да принаравливается и вдругъ какъ пустится бѣжать вдоль луга, ребята отъ него, онъ за ними, то одного отброситъ въ сторону, то другаго подкинетъ

на копну, то третьяго перехватитъ, точно барана какого и пошелъ, и пошелъ, просто удержу ему нѣтъ.

Хохотъ, визгъ, крикъ, шумъ, а онъ то все бѣгаетъ да всѣхъ разбрасываетъ по сторонамъ, точно мячи какія. Наконецъ умаялся, бросился въ растяжку на сѣно и говоритъ, еле переводя духъ:

— Вотъ такъ усталъ... уфъ! вотъ такъ умаялся,— просто встать не могу, точно въ банѣ парился, али гряды пололъ...

— Ну, поиграемъ еще, Саша, поиграемъ, ну, вставай пойдемъ, дома отнѣжисся, уговаривали его товарищи.

— Нѣтъ, будетъ! поиграли, побѣсились, пора и честь знать, отвѣтилъ утвердительно Саша, а то что это, мать будетъ ждать ужинать, а я здѣсь съ вами буду играть. Это не ладно...

— Ну, Сашутка! говорили умоляющимъ голосомъ товарищи. Еще немного, дай солнышку спрятаться, тогда и мы всѣ уйдемъ.

— Нѣтъ, сказалъ вамъ нѣтъ, чего пристали. Стану я ее заставлять ждать. Она цѣлый день на работѣ, надо идти помочь ей что-нибудь сдѣлать, я у нея одинъ большой, а тамъ все мелюзга.

— Большой! У... у... какой большой! закричали товарищи, хохоча отъ всего сердца. Ну-ка, дадимъ ему: разъ, два, три. .

И они начали было его снова ворочать, но онъ поспѣшно всталъ, вытянулся, и стоя грудью впередъ, сказалъ:

— А нутка скажите: сколько мнѣ лѣтъ?

— Сколько лѣтъ... сколько лѣтъ,—заговорили одинъ послѣ другаго. Лѣтъ восемь, девять есть...

— Ха! ха! ха! восемь, девять. Нѣтъ, судари мои, цѣлыхъ одинадцать, во сколько!

— Одинадцать! закричали въ одинъ голосъ товарищи. Нечего сказать большой. А еще говоришь, что будешь помогать матери Да развѣ ты можешь что сдѣлать?

— Сдѣлать по настоящему, какъ большой не могу, а помогать могу. Поле вспахать, избу выстроить не могу, а картофель садить, гряды полоть, воды принести, хворосту, щепъ набрать, али съ сестренками водиться могу.

— Ну, господа, отпустимъ его, порѣшили товарищи, не хочетъ,—и не надо.

— Я не говорю, что не хочу, очень хочу играть, да недосужно мнѣ.

Оставя товарищей, Саша, пошелъ къ камню на которомъ сидѣлъ, взялъ щепы, положилъ ихъ на голову и направился къ дому, напѣвая и подпрыгивая.

Дорога къ его деревни шла по берегу моря. Налѣво далеко, далеко за моремъ виднѣлся большой городъ,

мрачный, сѣрый, изъ середины котораго смотрѣлъ, точно гигантскій глазъ, позолоченый куполъ храма. Справа тянулись засѣянныя пшеницей, овсомъ и гречихой поля.

Дорога, по которой шелъ Саша, было ровная, усыпанная пескомъ. Онъ незамѣтно подошелъ къ своей деревнѣ.

Вотъ выглянула изъ-за лѣсочка маленькая деревянная часовня, выкрашенная желтой краской, съ зеленой желѣзной крышей. Это деревенское кладбище. Саша престалъ пѣть и подпрыгивать, а когда поравнялся съ оградой, снялъ шапку и, опустившись на колѣни, началъ усердно молиться.

Подъ однимъ изъ множества разноцвѣтныхъ, сѣрыхъ, черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ крестовъ былъ похороненъ и его отецъ.

На этомъ бѣдномъ деревенскомъ кладбищѣ не было богатыхъ памятниковъ, мраморныхъ крестовъ и тяжеловѣсныхъ плитъ. Надъ всѣми могилами были поставлены одинаковые кресты, точно также, какъ и люди подъ ними схороненныя, были одинаковы по происхожденію и принадлежали къ одной крестьянской семьѣ. Ихъ могилы жались и тѣснились плотно одна къ другой и были на столько близки и часты, что два креста двухъ самыхъ отдаленныхъ отъ церкви могилъ, одинъ черный, другой бѣлый—давно под-

гнившіе въ основаніи, такъ низко наклонились одинъ къ другому, что имѣли видъ обнявшихся друзей.

Тихо было кругомъ. Солнце сѣло, оставя на горизонтѣ яркую оранжевую полосу. И если бы не летучія мыши, низко спускающіяся надъ поверхностью болота и шелестящія своими тонкими крыльями, то всю эту мѣстность можно бы было принять за одну общую могилу. Саша перешелъ мостикъ и очутился лицомъ къ лицу съ своимъ домикомъ.

Подлѣ дома на лавочкѣ сидѣли его мать и сестры

Маленькій домъ съ тремя окнами на улицу и зелеными ставнями, еще не закрытыми, имѣлъ очень опрятный видъ. Крыша, украшенная рѣзьбой, была совершенно новая, ворота также новыя, они были уже заперты, у калитки спала собака, которая едва заслышавъ шаги Саши, и ласковое «что, Шарикъ, ты все спишь, тебѣ только и задѣлья»,—тотчасъ же встала и, махая въ разныя стороны пушистымъ хвостомъ, вскочила къ нему на грудь, и, упершись въ нее своими толстыми лапами—сладко потянулась.

— Что мама, вы уже поужинали? спросилъ ласковымъ голосомъ Саша.

— Нѣтъ сынокъ, дожидались тебя, столъ давно накрытъ, нужно только сходить на погребъ за молокомъ да творогомъ.

— А Машутка ужъ спитъ?

На рукахъ у молодой красивой женщины, завернутой въ большой шерстяной платокъ, лежала дѣвочка лѣтъ около трехъ и сладко спала. Она спала такъ крѣпко, что не слыхала, какъ мать встала, отворила калитку, снова затворила ее, и войдя въ избу положила ее сначала къ стѣнѣ подъ *божницу* *); затѣмъ, когда приготовила ей на своей кровати мѣсто, перенесла ее туда.

— Вишь, какъ умаялась на жарѣ, касатка,—прошептала ласково мать и закрыла спящаго ребенка ситцовымъ, сшитымъ изъ разныхъ лоскутковъ одѣяломъ.

Когда вся маленькая семья сидѣла за столомъ, покрытымъ толстой, но чистой холщевой скатертью, мать нарѣзала нѣсколько ломтей хлѣба и дала каждому по куску, потомъ раздѣлила по ровну творогъ и молоко.

Изба внутри была такая же чистая, какъ и снаружи. Полъ вымытъ, передъ кіотомъ теплилась лампада. Это было передъ воскресеньемъ.

Во время ужина Саша разсказалъ матери и сестрамъ, какъ онъ бѣгалъ, какъ съ нимъ никто не могъ справиться и какъ ему хотѣлось подольше поиграть; но онъ не хотѣлъ заставлять ихъ долго себя ждать.

Разсказалъ также, что проходя мимо кладбища, помолился и оглядѣлъ издали могилу отца. Когда маль-

*) Кіотъ, божница,—шкафикъ со стеклами, гдѣ помѣщаются иконы

чикъ произнесъ имя отца, молодая женщина глубоко вздохнула и пристально, съ любовью, посмотрѣла на своихъ дѣтей.

— Да, родные, намъ нужно его помнить, крѣпко помнить... Онъ былъ прямой человѣкъ; слово его было твердо, что сказалъ, то и сдѣлалъ; совѣсть всегда при себѣ имѣлъ. А какой былъ работящій... Все, что вы тутъ видите его рукъ дѣло... Онъ, кормилецъ, устали не зналъ. Лѣтомъ, бывало, въ полѣ, на покосѣ или на пчельникѣ, — вездѣ поспѣваетъ; а зимой съ ранняго утра вотъ тутъ сидитъ въ уголку и знай себѣ тачаетъ сапоги. Всю деревню обшивалъ, иные и по сей часъ еще носятъ его обувь. Въ этомъ дѣлѣ и я ему помогала. Любилъ покойникъ, чтобы въ домѣ все хорошо было, ладъ, совѣтъ и достатокъ. Вотъ у насъ все и есть и по сіе время: и скотинки, и хлѣбушка вдоволь, и изба новая. Объ одномъ горевалъ сердечный — грамотѣ не зналъ Да, это и взаправду не малое горе. Меня, всегда, пока жива, буду помнить, одна барышня, когда я не была еще замужемъ за вашимъ отцомъ, грамотѣ выучила; мнѣ въ ту пору было уже шестьнадцать годковъ; подолгу, бывало, со мной читала да все мнѣ разсказывала, а когда уѣхала, тогда подарила мнѣ много книгъ, которыя и по сейчасъ храню.

Бывало, подъ воскресенье, когда былъ живъ вашъ

отецъ, уложу васъ спать, пойду въ сундукъ, достану книгу, да и читаю ему. И какія хорошія исторіи писаны въ этихъ книгахъ—объ чемъ, объ чемъ только не узнаешь, что есть на бѣломъ свѣтѣ!...

— Разскажи намъ, мама, что тамъ писано, сказалъ Саша.

— Разное тамъ писано; писано, что всѣ люди должны жить между собой, какъ братья родные, что нужно любить трудъ и имѣть всегда при себѣ совѣсть и не дружить ни съ чѣмъ худымъ, что хоть бы тебѣ и на пользу шло, да другому вредно... Чтобы корысть тебя не заѣдала и если есть что въ остаткѣ,— дѣлиться съ другими у кого мало.

Учить другихъ тому, что самъ знаешь, служить другимъ... Э! много, много тамъ хорошаго, вотъ исполнять то мы все негоразды...

— Это все правда. мама, и я радъ, что меня отецъ дьяконъ читать выучилъ. Когда подрастутъ сестренки, я ихъ стану учить читать.

— Отецъ вашъ, начала снова мать, хотя и не былъ грамотный, значитъ не умѣлъ читать, что въ книгахъ пишутъ, а поступалъ такъ, какъ въ нихъ сказано. Онъ всегда, бывало, подѣлится своимъ добромъ съ бѣднымъ, разъ одному свой послѣдній тулупъ отдалъ. А со мной то, какъ ласково всегда говаривалъ.

Скажешь ему бывало: Александръ! ты усталъ род-

ной, поди отдохни, я за тебя поработаю. Нѣтъ, отвѣтитъ, не усталъ, а самъ такъ къ землѣ и клонится отъ устатку.

— Помнишь, Саша, да и вы я думаю не забыли сказала она дѣвочкамъ, изъ которыхъ одной было лѣтъ восемь, а другой лѣтъ шесть,—когда бывало отецъ изъ городу пріѣзжалъ, вы такъ сейчасъ и обступите его и глядите прямо въ глаза да въ карманы, а онъ, голубчикъ, кому поясъ привезетъ, кому кренделей, кому пряникъ.

Отъ усталости бывало на немъ лица нѣтъ, я побѣгу, лошадь уберу, да ужинъ приготовлю, а онъ примется за васъ: кого къ себѣ на колѣни посадитъ, кого за руку держитъ, а самыхъ маленькихъ начнетъ по лавкѣ катать да щекотать, а вы то такъ и заливались смѣхомъ. Хорошо намъ теперь, дѣточки, за всѣмъ за готовымъ жить. И какъ все это мы должны въ порядкѣ держать .. Однако поздно теперь, сказала мать вставая изъ-за стола. Пора спать, завтра воскресенье, мы будемъ отдыхать, пойдемъ на могилу къ отцу, потомъ въ городъ къ крестной сходимъ, а съ понедѣльника опять за дѣло .. Вы, дочки и Саша, гряды полоть, только смотрите Машутку берегите, когда займетесь дѣломъ, чтобы камушковъ не наглоталась или земли не наѣлась, какъ въ прошлый разъ, она куда какая шустрая стала.

Когда меньше была, лежитъ бывало смирнешенько въ корзинкѣ, а теперь не удержишь, того гляди наткнется на что нибудь».

Незатѣйливый ужинъ кончился, помолились Богу и вскорѣ въ этой мирной семьѣ водворилась тишина. Изрѣдка только къ огню лампады, подлетали мотыльки и большія мухи и, обжегши свои крылушки, падали жужжа на лавку или бились на оконныхъ стеклахъ.

МАЛЕНЬКІЕ ВОСПИТАТЕЛИ.

акъ радъ Володя красному лѣту!.. Скачетъ онъ по садику, хлопаетъ въ ладоши, весело ему среди свѣжей зелени, среди пахучихъ цвѣтовъ. Забыты и разорванные брюки, и царапины на рукѣ (утромъ онъ, бѣдный, зарѣзвился и сорвался съ перилъ крыльца); забыта воркотня старой няни, у которой «и то не такъ, и это не эдакъ»— то «зачѣмъ скачешь?» то «что, сударикъ, присмирѣлъ!...» Теперь Володѣ всѣ милы, всѣ добры, всѣ дороги: и няня, и кустикъ сирени, и сѣрый воробей, и чумазый Васютка поваренокъ, который то и знай выдѣлываетъ щелчки, или щипки на его красивой головкѣ, да еще приговариваетъ такія обид-

ныя слова: «ну, нюня, теперь захнычешь, да къ маменькѣ жаловаться! Барчукъ, барчукъ!.. бѣленькій да чистенькій, дай я тебѣ носикъ утру, самъ-то вѣдь не сможешь»... Володя думаетъ «хорошо бы теперь съ Васюткой погулять: вѣдь онъ не злой, его самаго за ухо и за вихры деретъ старый поваръ—ну, вотъ онъ съ горя и меня иной разъ рванетъ: онъ добрый, право, добрый, удочку мнѣ приладилъ, склеилъ змѣй... и веселый бываетъ, не всегда хмурится; вотъ онъ любитъ разныхъ птичекъ, но въ клѣтки, говоритъ, ихъ сажать не ладно: ихъ дѣло летать, да пѣсни свои распѣвать на деревьяхъ.... тамъ имъ свободно, тамъ ихъ никто не обидитъ.... И Архипычъ, старый поваръ, тоже добрый... сказки славно разсказываетъ, и его тоже били (такъ онъ говорилъ), когда онъ жилъ на кухнѣ еще мальчикомъ. Онъ любитъ стараго Полкашку, самъ всегда кормитъ его: «за старую службу», говоритъ.....» Прыгъ, прыгъ Володя съ песочку на тропинку, съ тропинки подъ кустикъ, и спрятался мальчикъ отъ ласковаго весенняго солнышка въ тѣнь и жадно усиленно вдыхаетъ пріятный пахучій воздухъ. «Пи-пи-пи!» послышался жалобный голосокъ... Володя повернулся и чуть-чуть не раздавилъ лаковымъ изящнымъ сапожкомъ бѣднаго, жалкаго птенчика. Птенчикъ былъ почти голенькій, чуть-чуть легкій пушокъ, покрывалъ посинѣвшее тѣло;

желто-молочные губы его еле-еле раскрывались, пропадая въ большихъ складкахъ, какъ будто въ мѣшочкахъ; ножки судорожно тряслись. Хотѣлось птенчику приподнять головку, но тонкая, слабая шейка не повиновалась етараніямъ тѣла, и онъ только жалобно пищалъ, какъ будто говорилъ: «мама, мама? я упалъ, убился, мнѣ жестко тутъ, больно!... Мама, мама, помоги мнѣ!» Бѣдный птенчикъ бился, бѣдный птенчикъ мучился; а мама его летала далеко, далеко, не слыхала его слабаго, тихаго голоса; она весело чирикала, собирая малымъ дѣткамъ мохнатыхъ червяковъ. Володя наклонился и долго, внимательно смотрѣлъ на безпомощную птичку—малютку... Жалко ему стало ея, и онъ осторожно поднялъ птенчика и подулъ на него слегка. Когда замѣтилъ, что малютка дрожитъ, прикрылъ его не много носовымъ платкомъ.. Слабенькая птичка на минутку замолкла, пригрѣлась и немножко успокоилась. Бѣжитъ Володя къ Васюткѣ подѣлиться съ нимъ своей радостью и предложить ему, если онъ согласится, вмѣстѣ выростить, выкормить это маленькое, слабенькое созданье ..

— Васютка, Васютка! погляди, что у меня въ рукѣ!

— Зачѣмъ, барчукъ, ты потревожилъ малую птичку? сгубишь ее, не получишь никакой утѣхи.

— Да я нашелъ ее на землѣ: она, бѣдная, мучилась.

— А—а! свалилась, стало быть. Ну, теперь ее нужно выростить, чтобы настоящей птицей была, а тамъ и съ рукъ долой, — убѣдительно сказалъ Васютка; дай-ка!

Разсмотрѣвши птичку, Васютка живо стащилъ старую, давно заброшенную съ подлавки клѣтку, привелъ ее въ порядокъ, наложилъ туда хлопьевъ, старыхъ тряпицъ, выдѣлалъ изъ всего этого добра настоящее круглое, мягкое гнѣздышко. «Ну, теперь ложись, глупышъ, на мѣсто и жди подачки: сейчасъ тебѣ червякъ всякій будетъ!» и скрылся.

Володя остался охранять клѣтку съ птенчикомъ Онъ задумался: «а, ну, какъ у насъ птенчикъ умретъ, мы его не выкормимъ!» И лицо мальчика приняло печальный, озабоченный видъ.

— Что задумался? или опять ныть собираешься? прокричалъ Васютка надъ ухомъ Володи. Вотъ они червяки-то, смотри сколько! и поваренокъ, довольный своей ловлей червяковъ, принялся весело угощать ими дѣтеныша птичку. Жадно глоталъ червяка за червякомъ птенчикъ, видно наголодался. Кончилось кормленье; подвѣшена клѣтка на стѣну кухни, ближе къ крышѣ; дѣти разошлись каждый по своимъ мѣстамъ. Поваренокъ сбивать сливки и яйца на бисквиты къ обѣду, Володя пить кофе. Одна только птичка, сѣрый воробушекъ не находитъ какъ будто себѣ мѣста,

летаетъ и тамъ и сямъ, въ кусты деревъ и подъ кусты по травѣ, жалобно чирикаетъ она: у ней пропалъ малый, глупый дѣтенышъ. Гдѣ то онъ? Что съ нимъ? чикъ-чирикъ, чикъ-чирикъ!» Отвѣта ей нѣтъ и нѣтъ. Присядетъ птичка на вѣтку около своего гнѣздышка, съ уцѣлѣвшими тамъ ея малышими дѣтками, замолкнетъ, опустивши голову, что-то думаетъ. Но несидится ей, опять запрыгаетъ дальше и дальше, отлетитъ, вездѣ высматривая своего малютку. Но вотъ нечаянно, какъ-то на угадъ, летитъ старый воробей—мать мимо кухни, повернулъ на лету головой, жалобно чирикнулъ, слышитъ родное «пи-пи-пи». Проворно подлетаетъ воробей къ клѣткѣ, подъ крышу, видитъ тамъ ея птенчикъ въ мягкомъ гнѣздышкѣ: вытягиваетъ свой носикъ, хочетъ дѣтенышъ сказать матери, что ему тутъ хорошо, мягко, да противные деревянные прутья клѣтки не даютъ ни матери подсѣсть поближе, ни дѣтенышу положить голову подъ крыло родимой. Долго птичка билась, хлопала крыльями о клѣтку и отлетѣла,—поняла, вѣрно, что ничего не подѣлаешь. Вотъ опять летитъ съ червякомъ въ носикѣ и кормитъ своего дѣтеныша въ запертомъ гнѣздышкѣ, кормитъ его съ большей заботой и любовью, чѣмъ дѣлала то, когда онъ былъ съ своими братьями въ родномъ гнѣздѣ. Долго вечеромъ возились Васютка съ Володей въ тотъ день съ своимъ воспитанникомъ во

время кормленія, плохо бралъ онъ у нихъ червяка да и баста. Васютка и ласково, и сердито приговаривалъ, прикрикивалъ на птенца, ничего не выходитъ; а старый воробей надъ нимъ кружится, летаетъ и что то весело, довольно чирикаетъ. Птенчикъ тоже поворачиваетъ къ воробью голову и какъ-то иначе выкрикиваетъ свое неизмѣнное: «пи-пи-пи!»

— Барчукъ, а это будетъ его матка! вишь, они что выдѣлываютъ! и при этомъ таково важно показалъ онъ пальцемъ и на ту и на другую птичку. Старый воробей не выдержалъ и какъ разъ въ это время смѣло сѣлъ на руку Васютки.

— Такъ—такъ, ты мамка и есть; ну, ступай къ своему дѣтенышу, повидайся. Васютка открылъ дверцу клѣтки; птичка, не раздумывая долго, влетѣла туда: она заботливо поправила растрепавшійся хлопокъ въ гнѣздышкѣ, прикрыла на минутку крылышкомъ голову птенчика, приложила свой носикъ къ его носику и, такъ посидѣвши, опять вспорхнула. Съ тѣхъ поръ на день клѣтка была всегда открыта, и дѣти оба равно любовались, какъ птичка летала къ птенчику, кормила его, разговаривая съ нимъ по своему. Она такъ подружилась въ Васюткой и Володей, что смѣло садилась имъ на плечо, на голову, на руки, ласково чирикая свою простую пѣсенку. Маленькій воробушекъ выросъ, оперился, одѣлся въ свое

сѣрое платьице и сталъ высматривать настоящимъ воробьемъ. Онъ уже изъ своего домика—клѣтки не разъ вылеталъ на ружу, на свободу, прыгалъ скокомъ съ матерью по вѣткамъ акацій, сирени; голосокъ его сталъ зычнѣй, крѣпче; но клѣтку онъ любилъ, всегда ночевалъ въ ней.

Разъузнавалъ и жизнь понемногу. Такъ онъ прыгалъ, скакалъ, леталъ за Володей и незамѣтно попалъ въ его дѣтскую комнату. Тамъ все для него было такъ ново, занимательно, прыгалъ воробей и по столику, и по кровати, завернулъ и на этажерку съ дѣтскими книгами и принимался пошевеливать носикомъ одну за другой изъ нихъ, какъ будто что-нибудь понимая въ книжномъ дѣлѣ. Тутъ вздумалось ему заглянуть подъ кроватку Володи, а тамъ въ это время возилась кошка съ своими котятами, обучая ихъ любимой ловлѣ мышей на одномъ уже задушенномъ мышенкѣ. Вся кошачья семья отъ этого неожиданнаго посѣщенія встрепенулась, всполошилась; старая кошка—мать такъ рѣзко ударила воробья лапой, что онъ какъ комокъ вылетѣлъ изъ-подъ кровати, ясно не понимая, за что его такъ недружелюбно встрѣтили. Сильная боль въ одномъ изъ крыльевъ заставила его болѣзненно пискнуть. На этотъ общій шумъ невольно бросился отъ окна Володя, который пристраивалъ къ удочкѣ лѣсу. Воробей спасенъ; ему дешево досталось знакомство съ

кошачьей семьей; онъ потерялъ только нѣсколько перьевъ, да чувствовалъ день два боль въ крылѣ. Чего не испытаетъ на свѣтѣ и малая птица, пока изучаетъ жизнь?!....

ПРОСИМЪ ИСПРАВИТЬ СУЩЕСТВЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
Стран. 13 строк. 6 снизу—земныхъ	зеленыхъ
» 34 » 1 сверху р	ре-
» 46 » 11 снизу по грустѣть	погрустить
На той стран. и строкѣ по плакать	поплакать.
Стран. 48 строк. 2 снизу чуть	тутъ
» 56 » 4 сверху пробираться	пробираются

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 23 Декабря 1878 г.

РУКОВОДСТВА И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СОСТАВЛЕННЫЯ

Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

1) ХРИСТОМАТІЯ—СБОРНИКЪ:

Часть 1-я. По наглядному обученію . . . . 35 к.

Часть 2-я. По родному языку. . . . . 35 »

2) РУКОВОДСТВО къ христоматіи—сборнику . . . . 30 »

3) ДѢТСКІЙ МІРОКЪ. Разсказы и стихотворенія для дѣтей отъ 6—12 лѣтняго возраста. . . . . 40 »

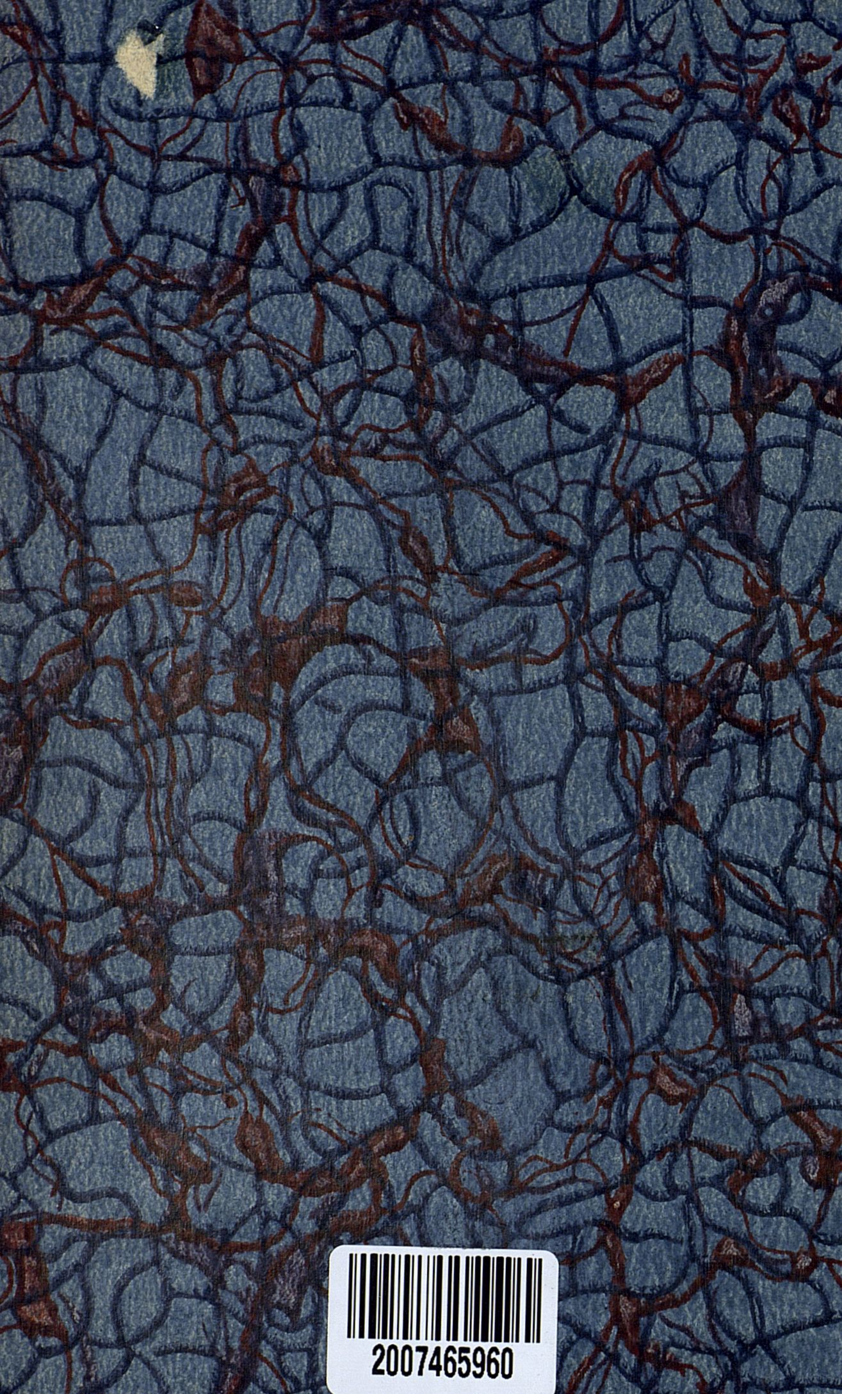
4) ПЕРВАЯ НОТНАЯ КНИЖКА. Руководство съ сборникомъ 50 дѣтскихъ піесъ . . . . 40 »

5) 200 ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ УРОКОВЪ. По Видеману. Руководство для дѣтскихъ садовъ и приготовительныхъ классовъ . . . . 60 »

6) «МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ». Разсказы для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ съ картинками. . . . . 35 »

7) «МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ». Разсказы и стихотворенія для дѣтей отъ 6—9 лѣтъ съ картинами. 1879 г. . . 65 »

Вышеозначенныя изданія можно получать въ книжномъ магазинѣ Н. ФЕНУ и КОМП., въ складѣ С. П. ГЛАЗЕНАПЪ. Поварской переулокъ, д. № 15, кв. № 7, въ С.-Петербургѣ и въ книжномъ магазинѣ Ѳ. И. САЛАЕВА—въ Москвѣ и др. магазинахъ.

2007465960